

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МАРИЙСКОЙ ЖЕНЩИНЫ (на материале повести З. Катковой)*

М. В. СОКОЛОВА,

*преподаватель кафедры финно-угорской и сравнительной филологии
ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»
(г. Йошкар-Ола, РФ)*

Гендерная идентичность женской языковой личности

В современных психологических исследованиях гендерная идентичность предстает как единство поведения и самосознания человека, причисляющего себя к определенному полу и ориентирующегося на требования существующей половой роли, а также как соответствие личности образцу маскулинности или фемининности [3, 11; 7, 587]. Понятие о гендере интерпретируется учеными с разных точек зрения [4; 6; 9; 13]. В целом под гендером подразумевается не только социальный пол, но и система межличностного взаимодействия, посредством которой создается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального, исторического и культурного порядка [12, 46].

Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей выражения гендерной идентичности женщины как носительницы марийской лингвокультуры.

Актуальность изучения выбранной темы обусловлена необходимостью проследить явления, связанные с самореализацией и адаптацией женщины в обществе. Представляется важным выделение психологических и культурно обусловленных факторов, которые оказывают воздействие на степень ее социальной самоактуализации.

Данный этап исследования предполагает использование полученных результатов при анализе текстов современной литературы, что предусматривает последующее определение происходящих изменений в базовой структуре социальной идентичности женщины. По заключению ученых, гендерные особенности личности, роли женщины и мужчины в марийском этническом социуме, а также гендерные нормы и стереотипы маскулинности и фемининности наиболее ярко отражены в литературе и фольклоре [5, 58]. По определению В. П. Белянина, существенной непосредственно для художественного произведения является национально-культурная принадлежность, определяющая язык и речевую системность образных средств текста, представляющего собой личностную интерпретацию окружающего мира [1]. Материалом для нашего исследования послужила повесть марийской писательницы З. Катковой «Сар ок лий ыле гын...» («Если б не было войны...») [11].

Автобиографический характер образа героини художественного произведения

Этапы жизни героини повести во многом перекликаются с фактами из биографии Зинаиды Катковой. Писательница родилась в 1922 г. в Республике Марий Эл в крестьянской семье. После семи лет обучения в школе она поступила в Йошкар-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00043.

Олинское педучилище, однако из-за материальных трудностей ей пришлось оставить учебу. В 18 лет она уехала на Дальний Восток, работала в системе органов внутренних дел и юстиции, была журналисткой в молодежных газетах Сахалина и Приморья. В 1954 г. будущая писательница вернулась в Йошкар-Олу и устроилась в редакцию одной из районных газет.

Анализируемая повесть представляет собой частную переписку между Елизаветой, главной героиней, и Алексеем, мужчиной, в которого она была влюблена в молодости. В произведении четырнадцать писем, девять из которых написаны Елизаветой, включая последнее, адресованное матери мужчины. Переписка, инициатором которой выступает героиня, происходит в послевоенное время (март 1948 – декабрь 1949 г.).

Психолингвистические характеристики женского вербального поведения

При проведении лингвистического анализа текста повести учитывались работы психологов и психолингвистов [1; 2; 7; 8; 10; 12]. Выделение прагматической установки автора связано с определением мотивации языковой личности персонажа произведения. Изначальная цель героини З. Катковой формулируется в ее первом письме: *Лач тидлан кѳра веле возем: полишо мыланем шкемым лончылен налын умылаш... вет мом каласынем тыланет, тудым мый ниголанат ойлен ом керт* [11, 156]. «Пишу только ради одного: помоги мне разобраться в себе... ведь никому не могу выдать желаемое рассказать тебе». Отрезок текста указывает на проявление желания Елизаветы развиваться и сохранить себя, что отражает базовую потребность женщины в позитивном отношении (социальном одобрении) и самоотношении (самопринятии) [3, 9]. Выявляется и связь с одной из основополагающих мотиваций женщины – потребностью в эмоциональном принятии (аффилиации), которая представляется важнее потреб-

ности в достижениях [7, 173]. Данное явление выражается в готовности Елизаветы к переезду с Сахалина в Марий Эл, смене места работы ради жизни рядом с любимым человеком.

Система ценностных ориентаций героини определяется предпочтением семейно-бытовых потребностей в ущерб интеллектуальным. Психологи утверждают, что для женщин характерны эмоциональная зависимость от мужчин и погруженность в «любовь» при запрете на открытое выражение чувств и проявление агрессии [7, 408]. В связи с этим героиня повести возвращается к моменту, когда она чувствовала эмоциональный комфорт, источником которого ранее выступал Алексей. Она видит в нем того, кто ответит на возникший вопрос: *Кушко мыланем шке дечем куржын утлаш, кузеракын да мо дене чылт пушта лийше шўмем темаш?* [11, 157]. «Куда же убежать от себя, как и посредством чего заполнить мою опустевшую душу?»

В результате пережитого горя в связи со смертью мужа и дочери Елизавета впадает в депрессию. Героиня чувствует постоянную тревогу и страх. Часто ей хочется плакать. Тоска, безразличие к происходящему вокруг отражаются и на качестве ее работы. Психологом Е. П. Ильиным выделено несколько стадий переживания человеком горя [8, 175]. В тексте первого письма описывается проявление последних из них, а именно: отчаяния, слабости, разбитости, опустошенности, отсутствия интереса к своим обычным занятиям (*кѳргыштем чылажат колен возын: вўремат, чонемат йўкишен, уке гын молан мыланем нимоат ок кўл, нимоат мыйым ок куандаре, шуйнен возаш ыле, шинчам кумаш да тарваныде кияш – тугай нойымаш шижалтеш* [11, 157] «у меня все умерло внутри: охладела и кровь, и душа, иначе, почему я равнодушна ко всему, ничто меня не радует; прилечь бы, растянувшись, закрыть бы глаза и неподвижно лежать – чувствуется такая усталость», а также ощущения собственной вины перед умершим из-за

того, что с ним не было лучших отношений, что для него не было сделано всего того, что, казалось бы, можно было выполнить (*Мый ом тол гын ала... Ала... мый тудым пуштынам?* [там же, 170]. «Может, если б я не пришла... Может... я убила его?»).

После смерти мужа Елизавета задумывается над тем, что смерть была бы лучшим способом достижения спокойствия: *Кызыт тый денет пырля пычкемыш шугарыште могай ласкан кием ыле* [там же]. «Как спокойно я лежала бы сейчас рядом с тобой на темном кладбище». В данной фазе переживания горя происходит преобразование психологического времени: погибшие в сознании скорбящей героини переходят из настоящего времени в прошедшее, что доказывает частое использование глагола *эрташ* ‘проходить’ в прошедшем времени. Ключевым фактором, впоследствии повлиявшим на начало переписки, является период переживаемой женщиной депрессии, в основе которой лежит эмоция печали. Для переживания данной эмоции характерно ощущение тяжести в теле. Воспринимая окружающий мир, человек видит вокруг только пустоту и мрак, жизнь кажется слишком унылой. При сильной печали появляются болезненные ощущения в груди (*пушта лийше шўмем* [там же, 157] «моя опустевшая душа», *вуй ўмбалнем пуйто ала-могай лўдыкшў пўрдеш, йырваши авыра, шўлаши эрыкым ок пу, вўрем кылмыкта* [там же] «будто что-то страшное кружит над моей головой, обволакивает, не позволяет дышать, холодит кровь»).

Проявление застенчивости как фактор регуляции морального поведения

В тексте письма есть ключевая фраза, характеризующая героиню как носителя традиционной культуры мари и одновременно объясняющая суть сделанного ею выбора, который в прошлом кардинально изменил ее судьбу. Елизавета вспоминает свою последнюю встречу с Алексеем. Девушка,

не привыкшая к выражению эмоций, восприняла желание поцеловать ее как позорный, постыдный поступок, свойственный слабым: *Тымарте нигў, нигунам мыйым шупшалын огыл ыле, эсогыл авам ден акам-влакат. Тыгай нечке койыш пўрбен деч посна илен толашыше йорло ешыштына намыслан веле шотлалтын* [11, 154]. «До этого никто никогда не целовал меня, даже мать и сестры. Такая слабость считалась постыдной в нашей бедной семье, пытающейся выжить без мужчины». Психологи отмечают, что чувство стыда, сопоставимое со стеснительностью, играет важную роль в половой жизни человека и способствует укреплению социального порядка и гармонии в межличностных отношениях [8, 184].

Природная застенчивость героини подтверждается ее словами: *Еным сайын, тўрысnek пален шуктыдеак, тудын деч коранам, палем гынат, шуко жапчоным почын кутыраш ом тошт* [11, 163]. «Толком не познакомившись с человеком, не изучив его полностью, отдаляюсь от него; даже будучи знакома, долго не решаюсь говорить открыто». Частое использование ряда лексико-фразеологических оборотов (*вожылаш* «стесняться», *аптыранаш* «стесняться, смущаться», *тептердыме* «не такая, как надо; неспособная», *ўраш* «робеть», *ўрмалгаш* «растеряться, смутиться», *лўдаш* «пугаться», *коля рожыш пурен кайышаш гай вожылаш* букв. «стесняться, будто проваливаясь в мышиную нору», *йўштў вўдыш пуремыла возаш* «писать, как опущенная в холодную воду», *тарай гай йошкарген кайяш* «покраснеть, как кумач», *шылын куржмо веле шуеш* «лишь убежать хочется», *вумат нўлталаш тошташ огыл* «не сметь и голову поднять») также указывает на крайнюю степень застенчивости Елизаветы и проявляемой ею нерешительности в общении с людьми.

Интроверсия героини во многом обусловлена неудачными межличностными отношениями с людьми и обычаями семьи, в которой она родилась. Это выражается в необщительности, погружен-

ности в себя, сильных переживаниях по поводу проявляемого к ней внимания. В частности, ее эмоциональное реагирование на поступок мужчины связано с соблюдением нравственных норм и приписыванием его поведению целей, противоречащих ее собственным интересам и достоинству.

Специфика речевого поведения женщины в сфере межличностных отношений

Особенность женского речевого поведения отражается в выборе З. Катковой наиболее распространенного у женщин жанра общения – частной беседы. Стиль коммуникативного поведения героини проявляется в повышенной эмоциональности, что выражается в употреблении ряда соответствующих языковых средств: лексем, описывающих ощущения и чувства героев (*куан* «радость», *чон* «душа», *ойго* «горе», *сусыр* «рана, ущерб», *нойымаш* «усталость», *шучката* «ужасно», *лудыкшö* «страшно», *туткар* «беда, несчастье», *ушан* «надежда», *йöсыланаш* «мучиться, страдать», *йöсö* «мучение, тягость», *ильиш* «жизнь» и др.), восклицаний (*Ой, чонем!* «О, душа!», *Могай мый сокыр лийынам!* «Как же я была слепа!» и др.), риторических вопросов (*Чынак, молан мыланем шочмо верышкем пöртылаш огыл?* «И, правда, почему бы не вернуться на родину?»; *Молан ынде кычалаш титаканжым?* «К чему теперь искать виноватых?»), метафор (*вудтолкын... мыйым öндалят* «как только волна обняла меня» и др.), эпитетов (*тысе «Некрасов» «местный “Некрасов”»* и др.), вводных слов и выражений, передающих различную степень уверенности говорящего (*шонем* «думаю», *ала* «может», *очыни* «вероятно» и др.). Примечателен характер употребления героями повести отдельных слов. Например, частотность использования слова *пурьымаш* «судьба» свойственна героине, тогда как герой-мужчина часто применяет лексему *пиал* «счастье».

Отражение гендерных стереотипов в художественном произведении

На основании проведенного анализа текста повести З. Катковой представляется возможным выявить гендерные стереотипы, своеобразную модель поведения женщины в обществе.

1. Женщине неприлично делать первый шаг в отношениях с мужчиной: *Иктым гына раш ом пале: мыйым ужсын лишкем миег, уке гын? От мий гын, мыланем удырвуя, почешет каен, ойым лукташ онгай огыл шол* [1, 155]. «Одного точно не знаю: подойдешь ли ко мне, увидев меня? Если нет, мне, девушке, неудобно заводить разговор, догнав тебя». Следует отметить, что героине приходится прилагать большие усилия для преодоления своей стеснительности при проявлении инициативы в общении (признание в любви, начало переписки). При этом она чувствует страх быть отвергнутой (*ит воштыл, серышем шотдымылан ужат гын* «не смейся, если мое письмо покажется тебе бестолковым», *мыйым йонгылыш ит умыло* «не пойми меня неправильно» и т. д.).

2. Признание женщиной доминантного положения мужчины: *Пöрбен-влак мемнан деч, удырамаш деч, виянрак улыт, ик кид вий дене веле огыл, көргö вий денат* [там же, 157]. «Мужчины сильнее нас, женщин, не только силой рук, но и внутренней энергией».

3. Необходимость реализоваться в обществе исходя из семейно-бытовых потребностей, что, в частности, позволит избежать навязывания «ярлыка» несостоявшейся личности: *Кызыт налше лекме годым каяш огыл гын, ала курымеш удырвуя илаш логалеш... Адакшым шонго удырманын игылтме дечат утлаш лиеш* [там же, 159]. «Если не выйти замуж сейчас, когда есть желающие жениться, возможно, придется вечно в девках ходить... К тому же, можно избежать насмешки “старая дева”».

4. Жалость женщины по отношению к мужчине воспринимается унижительной для него: *Чаманен гына мый денем пырля*

илаш – тидлан мый икеат ом келше [там же, 161]. «Жить со мной только из жалости – на это я и сам не соглашусь».

5. Измена женщины осознается как явление, позорящее всю семью: *Оксинан тыгай пыльдырий койышыжо мыйын ту-гакшат йӱсӱ ылышем йӱршеш карген пытарыш* [там же, 160]. «Распутное поведение Оксины и без того искалечило мою тяжелую жизнь»; *Толмем деч ончыч кая иле гын, мыйын ончылно веле огыл, ег ончылат ике семынже тудо чын лиеш ыле* [там же, 160]. «Если бы ушла до моего приезда, была б честна не только передо мной, но и перед людьми»; *советский ўдырамашлан тыгай койыш нигузет келиен ок тол* [там же, 196] «советской женщине никак не подходит такое поведение». Несоответствие социальных требований, предъявляемых к женщине, ее личным желанием выражается в предположениях Лизы о возможных причинах измены Оксины: *Оксинан кӱргыштыжӱ чон шупшмо ден долг коклаште кугу, неле кредалмаш шоген. Долг тудлан тый денет кодаш кӱштен, чонжо чыташ лийдымын весе деке шупшын* [там же, 176–177]. «В Оксине происходила сильная борьба между желаньями души и чувством долга. Долг велел ей остаться с тобой, а душа невыносимо тянула к другому». Исследова-

ния потребностей мужчин и женщин выявили, что «долженствование» свойственно представительницам женского пола, что отражается в их большей предрасположенности к восприятию и усвоению общественных норм [8, 171]. Используемая в повести лексема *долг*, заимствованная марийским языком из русского, передает степень восприятия женщиной требований, предъявляемых к ней обществом, и демонстрирует степень ее самоактуализации в условиях советского времени.

Результаты анализа повести З. Катковой демонстрируют высокую степень эмоциональности речевого поведения женщин, что во многом обуславливается особенностями их психологии. Роль гендерных стереотипов, формирующихся под влиянием социокультурных факторов, определяется главным образом необходимостью «экономии» мышления в восприятии и понимании окружающей действительности, а также сохранением единой ценностной ориентации членов социума. Исследование представленного языкового материала указывает на существование зависимости процессов формирования гендерной идентичности марийской женщины от заданных социумом условий жизни и пространственно-временной организации внешнего мира.

Поступила 18.02.2015

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. *Белянин, В. П.* Основы психолингвистической диагностики (Модели мира в литературе) [Электронный ресурс] / В. П. Белянин. – М. : Тривола, 2000. – Режим доступа: http://www.pedlib.ru/Books/3/0476/3_0476-1.shtml. – Дата обращения: 03.02.2015.
2. *Белянин, В. П.* Психолингвистический анализ текста в целях идентификации личности [Электронный ресурс] // Актуальное состояние и перспективы развития судебной психологии в Российской Федерации : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Калуга, 2010. – С. 67–73. – Режим доступа:
1. *Belyanin, V.* (2000) Fundamentals of psycholinguistic diagnosis (Model of the world in literature) [online], Moscow: Trivola, available: http://www.pedlib.ru/Books/3/0476/3_0476-1.shtml [accessed 02 March 2015].
2. *Belyanin, V.* (2010) Psycholinguistic text analysis to identify the person [online], Current state and prospects of development of forensic psychology in Russia: Russian conference Proceedings, Kaluga, pp. 67–73, available: <http://www.forensic-lab.ru/wp-content/uploads/2011/01/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F-%D0%91%D0%B5%D0%BB%D1%8>

- <http://www.forensic-lab.ru/wp-content/uploads/2011/01/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F-%D0%91%D0%B5%D0%BB%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0.pdf>. – Дата обращения: 03.02.2015.
3. *Бызова, Л. В.* Влияние гендерной идентичности на социально-психологическую адаптацию женщин : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Л. В. Бызова. – Ярославль, 2006. – 25 с.
 4. *Васильева, И. Б.* К вопросу о соотносительности биологического пола, грамматического рода и гендера // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 10 (28). – С. 39–44.
 5. *Глухова, Н. Н.* Гендерная репрезентация этнической идентичности мари : к постановке проблемы // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. – Тамбов, 2014. – № 7 (45), ч. 2. – С. 57–59.
 6. *Здравомыслова, Е. А.* Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // Обществ. науки и современность. – 1999. – № 6. – С. 177–185.
 7. *Ильин, Е. П.* Пол и гендер / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2010. – 688 с.
 8. *Ильин, Е. П.* Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2001. – 752 с.
 9. *Исмагулова, Г. К.* Лингвокультурологический аспект гендерных отношений : сопоставительный аспект (на материале русского, немецкого и казахского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. К. Исмагулова. – Тюмень, 2005. – 23 с.
 10. *Калугина, Е. Н.* Теоретико-методологические основы гендерных исследований в лингвистике : состояние и перспективы // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 7 (25), ч. 1. – С. 79–81.
 11. *Каткова, З.* Сар ок лий быле гын... // Марий литератур. Тунемме книга. – Йошкар-Ола, 2007. – С. 152–199.
 12. *Ожигова, Л. Н.* Гендерная идентичность : поиск, достижение и самореализация личности, или Очень личное о гендерной психологии // Человек. Сообщество. Управление. – 2005. – № 4. – С. 45–55.
 13. *Усманова, А. Р.* Гендер и культура в парадигме культурных исследований // Введение в гендерные исследования. Ч. 1 : учеб. пособие. – СПб., 2001. – С. 427–464.
 - F%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0.pdf [accessed 02 March 2015].
 3. *Byzova, L.* (2006) Influence of gender identity on the social and psychological adaptation of women, dissertation (Candidate of Psychology), Yaroslavl.
 4. *Vasilieva, I.* (2013) On the correlation of biological sex, grammatical gender and gender, 10 (28). Philology. Issues of theory and practice, Tambov, pp. 39–44.
 5. *Glukhova, N.* (2014) Gender representation of Marie ethnic identity to the problem, 7 (45), History, Philosophy, Political Science, Law, Cultural studies and arts theory and practice. Issues of theory and practice, Tambov, pp. 57–59.
 6. *Zdravomyslova, E.* and Temkin, A. (1999) Studies of women and gender studies in the West and in Russia, 6, Sociology and modernity, pp. 177–185.
 7. *Ilyin, E.* (2010) Sex and gender, Saint-Petersburg: Piter.
 8. *Ilyin, E.* (2001) Emotions and feelings, Saint-Petersburg: Piter.
 9. *Ismagulova, G.* (2005) Lingvo-cultural aspect of gender relations: a comparative aspect (on a material of Russian, German and Kazakh languages): Thesis abstract (Candidate of Science, Philology), Tyumen.
 10. *Kalugina, E.* (2013) Theoretical and methodological basis of gender studies in linguistics: state and prospects, 7 (25), Part 1, Philological science. Issues. theory and practice, Tambov, pp. 79–81.
 11. *Katkova, Z.* (2007) Sar app ly yle Geun..., Mari literature. Tunemme book, Yoshkar-Ola, pp. 152–199.
 12. *Ozhigova, L.* (2005) Gender identity: search, achievement and personal fulfillment, and very private about gender psychology, 4. Person. Community. Management, pp. 45–55.
 13. *Usmanova, A.* (2001) Gender and culture in the cultural studies paradigm, Introduction to Gender Studies. Part 1, Saint-Petersburg, pp. 427–464.